

ПИК ЛЕНИНА – 7134 м. ПАМИР

19 июля – 10 августа 2007 года

Викулина Марина

Состав группы

Идейный вдохновитель – Сергей Александрович Михаелис

Организатор – Елена Власова

Участники – Викулина Марина и Сергей Коняев.

Судорожно хватаешь воздух, его совсем нет, периодически отключается сознание и, кажется, что впадаешь в забытие. Я занимаюсь тем, что пытаюсь сохранить разум – выдумываю различные способы для этого, например, цепляюсь взглядом за неровности снежного покрова или считаю шаги про себя. Теперь-то я знаю, как гибнут в горах на ровном месте, вот он человеческий предел, когда организм работает в долг, и ты не знаешь, когда он откажет. Я прошу свой, чтобы он потерпел еще немного, мы так долго сюда шли, глупо поворачивать, не дойдя немного. Но сколько немного? Сережка смотрит на меня с тревогой. Боится, что я не дойду, ведь тогда ему придется повернуть назад. А в это время я думала, что, вот если бы у меня был рюкзак, то Сережа бы его помог поднести, а так у меня ничего нет, чем он мне сможет помочь, когда я уже не смогу идти? «Люди, которые спускались, сказали, что отсюда всего час, мы успеваем дойти», - говорит мне Сережа. «Конечно, мы сможем, - отвечаю я спокойно, - только вот я совсем уже не могу идти». Но иду. Оказалось, что там было гораздо больше часа. И вот она вершина. Два иранца подпрыгивают, снимаются на видео и энергично кричат: «Аллах, акбар!». Я завидую, ведь моих сил осталось только, чтобы вяло сфотографироваться...

Последний мой отчет о поездке в Непал – Тибет в октябре – ноябре 2006 года заканчивался словами, что в следующий раз мы поедем в чистую и понятную Европу. Не прошло и месяца после непальской поездки, как появился слух, что летом собираются на Памир на пик Ленина. Собирается большая команда из Апатит и Кировска.

Я: «Сереж, тут на Памир собираются на пик Ленина»???

С: «Нет, ну не дашь ты мне спокойно умереть. А как же Европа?».

Я: «Ну, Европа, никуда не убежит, а потом, может, удастся и то и другое».

С: «Нет, не получится, мы не можем в июле бросить работу. И потом пик Ленина – это семитысячник!!! Ты знаешь, что это такое?».

Я как обычно постепенно уговаривала его поехать, мотивируя, что главное захотеть, а все остальное найдется и образуется. И как обычно, Сережа не пожалел.

Еще год назад я считала, что Средняя Азия закрыта для посещения навсегда. Я думала, что никогда уже не увижу ни Памир, ни Тянь-Шань. Мне казалось, что доступ туда цивилизованному миру закрыт, а там происходят какие-то постоянные конфликты. И тут вдруг такой шанс. Тем более после поездки в Гималаи и Тибет хотелось посмотреть на наши (почему-то кажется, что они до сих пор наши) высокие горы. Сравнить.

Для подготовки к восхождению в дополнении к своим обычным занятиям я начала бегать. Обычно бег не доставлял мне никогда никакого удовольствия, поэтому я им и не занималась. Но тут думая о том, что, возможно, мне это поможет, бегала с удовольствием.

Еще была предпринята поездка в Крым в район Судака со знаменитым Индейцем и не менее знаменитым Утопом. Кроме безудержного смеха в веселой компании и распитии портвейна, у поездки была и дополнительная цель – тренировка психики. Во время маршрутов психика вела себя, прямо скажем - не очень – побаивалась как-то, мандражировала, а то и вовсе истериковала. В результате, мною было принято решение, либо я иду с нижней страховкой без паники, либо ни на какой пик Ленина не поеду. Прошла. Пришлось ехать.

Сережа, надо сказать, в Крыму был настоящим героем и ходил такие маршруты, какие раньше и не мечтал. Более того, впервые маршрут на Парагельмене прошел наш девятилетний сын Максим. Ему очень понравилось. Потом он со знанием дела читал путеводитель по маршрутам и пытался понять, как же пролезать карниз.

За месяц мы начали витаминную подготовку. Пили какое-то жуткое количество таблеток, витаминов, которые должны были сделать наше пребывание на высоте более приемлемым.

За неделю до поездки я пытаюсь добить рабочие дела и начинаю жутко паниковать. По-моему, я так не боялась даже перед поездкой в Непал. При подготовке мне очень помогла Таня Егорова, которая была на пике Ленина несколько лет назад. Во-первых, у нее был отчет о поездке, а, во-вторых, она отвечала на мои постоянные вопросы. Таня меня успокаивала тем, что волнение в данных условиях совершенно нормальное явление. Я ей поверила. Но меня пугало то, что я пила различные успокаивающие препараты (типа валерьянки), которые на меня совершенно не действовали. То, что надо ехать, сомнений у меня не было, но было какое-то противное угнетающее волнение на пустом месте. После

посадки в Оше это волнение полностью прошло и больше не появлялось. Удивительные вещи творит с нами наш собственный организм.

И вот мы едем, в итоге всего собралось 4 человека: мы, Сергей Александрович Михаелис (СА) – собственно тот, кто придумал все это, и единственный настоящий альпинист среди нас, и Лена Власова, которая большей частью все организовала.

Уже в Москве едем вечером в метро на Павелецкую на экспресс в Домодедово. Народу уйма, а мы с рюкзаками. На переходе на Новокузнецкой я впикиваюсь последней в вагон с криком: «Сереза не оставляй меня здесь одну». Рюкзак застревает в дверях, но после некоторых уплотнений я влезла. В экспрессе мы всю дорогу смеемся и обсуждаем проблемы, которые возникали у нас при подготовке к поездке. СА уверяет, что как только мы сядем в самолет, все будет по-другому: «В Азии никто не торопится».

В аэропорту Домодедово, несмотря на 30 градусов надеваем на себя пластиковые ботинки, штаны, куртки, а некоторые даже пуховки! - на рейс Москва – Ош (S7) разрешено только 20 кг. В итоге мы проходим своими рюкзаками прямо по 20. С радостью бухаем на весы наши маленькие рюкзачки, типа ручная кладь бесплатно. Девушка за стойкой говорит, что у нас 9 кг перевеса. Такого мы не ожидали. Сергей Александрович хватается свой рюкзак и с криком, да там только еда, достает из рюкзака воду и бутерброды. Ах, это еда, говорит нам девушка, ну, тогда ладно. Причем, в нашем рюкзаке лежала далеко не еда, а много всего и среди прочего лавинная лопата. В таком нарядном виде, цокая пластиковыми ботинками, мы проходим таможенню и досмотр.

Мы не везем с собой палатки, веревки и ледорубы. Посчитав, сколько мы заплатим за перевес, решили, что лучше все это взять в прокат, да и тащить опять же меньше всего придется.

В это время отправлялось несколько рейсов в Среднюю Азию. Служащие не могли собрать людей на рейсы. Самолеты стояли и ждали. Пассажиры нерусской национальности отчаянно тормозили в разных местах аэропорта. Особенно много проблем вызвал рейс на Хунджад. Служащий аэропорта перешел на истерический крик: «Кто на Хунджад? Не хватает еще 18 человек». Рядом спокойно стоят люди, которые никуда не торопятся, оказалось, что они тоже на Хунджад. В Азии действительно никто никуда не торопится.

Мы, весело хохоча, наблюдая за происходящим, посетили Duty free, поели продуктов из рюкзака Сергея Александровича, запивая виски из Duty free, и полетели на неудобном Ту-154 в Ош. С нами в самолете летит много разных альпинистов. С одной четверкой украинцев мы даже пересекались на склонах пика Ленина.

День 1.

Вылетели мы в 12 ночи, а прилетели рано утром совершенно не выспавшиеся. В аэропорту в небольшом накопителе, нас долго продержали, так как пропускающих было всего двое, а проверка тщательная. Вдруг, кто в Киргизию захочет нелегально прорваться. Кто-то даже умудрился поспать в это время. Мы встретили нашего давнего знакомого Игоря Турчанинова, который с большой командой ехал на стену «48 дней».

И вот, наконец, подходит наша очередь. За окном мы наблюдаем, как разбирают рюкзаки и сумки, валяющиеся прямо на земле. Я волнуюсь, что нам ничего не достанется из этой груды вещей. В итоге прохожу я, Сережа, СА, а вот с Леной, какие-то проблемы, ее данные совпадают с кем-то разыскиваемым, и она задержана на границе, мы пытаемся отыскать свой багаж – не хватает Сережкиного рюкзака. Работники ничего не знают и уверяют нас, что рюкзак остался в Москве. Хорошенькое начало...

Лену, в конце концов, пропустили, она показала отпускное свидетельство с работы. А вот рюкзака нет, мы бегаем по пустому аэропорту, начинаем уже куда-то звонить. Вдруг приезжает тележка, на которой лежит наш одинокий рюкзак. Где он был найден, никто нам так и не сказал.

В результате мы преодолели границу, и вышли в жаркий Ош, где нас ждала представитель принимающей компании Asia Travel. Почему-то были изменения в программе и нас собирались сразу отправить в базовый лагерь пика Ленина без первого дня в Оше. Дали 2 часа на рынок и завтрак и вот мы уже мчимся по горам на Урале вместе с 4 испанцами и 2-мя русскими.

Перед отъездом беседуем с Анваром – начальник Ошского филиала Asia Travel. Мы спрашиваем его про газ. Он нам предлагает его за 9 долларов. Мы заторможенные после самолета берем его в количестве 11 штук. В лагере 1 на высоте 4400 точно такой же газ продается по 7 долларов. Этого мы Анвару простить так и не сможем, хотя нареканий к работе фирмы практически не было.

Ошский рынок нас поразил. Лену он поразил своими запахами (ха, это она не была в Непале), а нас он поразил азиатской внешностью, но при этом каким-то нормальным отношением. Опять же мы сравниваем все с Непалом, где тебе всюду лезут в глаза. Здесь люди культурные, в глаза не лезут, но всюду азиатский размах. СА сказал, что это не настоящий азиатский рынок, а так некое подобие. Так что у всех сложилось свое мнение от увиденного.

Идти на рынок в самом начале пребывания в Средней Азии туда было страшновато. Все-таки мы находимся в сердце Средней Азии. А вдруг убьют? Но каково было наше

удивление, когда мы увидели, что люди на нас смотрят очень доброжелательно и никаких проблем не возникает.

Итак мы двинулись в горы. Дорога – Памирский тракт, проходит по отрезку Великого шелкового пути и очень красива, единственный ее недостаток - абсолютная раздолбанность. Со времен распада СССР на ней не положили ни куска асфальта. Под конец дня мы были совершенно вымотаны, а мы ведь не спали ночь, и прямо с самолета.

Виды из окна машины открываются фантастические. На память приходят различные горные районы, в которых я была, какие-то места напоминают Крым в районе Судака, какие-то Алтай. Но все вместе создает неповторимое очарование. Южная Киргизия – это древний, как будто замерший мир. Огромные пасущиеся стада, юрты, большое количество детей, лошади и киргизы, как на картинке в школьном атласе. Здесь есть цивилизация, но она какая-то незаметная на фоне киргиза на лошади. Несмотря на усталость, мы под впечатлением.

В середине пути, заезжаем на турбазу Талдык, где нас должны покормить обедом. Я уже предчувствую проблемы. У меня всегда они возникают в общественных местах, потому, что я не ем мяса, а обычно вся еда приготовлена с его участием. Меня ожидал голод, так как никакой дополнительной провизии у нас нет. Мы только вышли из машины, как сразу раздался вопрос: «Среди вас есть вегетарианцы?» После этого я сразу влюбилась в Asia Travel на всю оставшуюся жизнь, хотя придраться, конечно, как все знают, можно ко всему (газ опять же). Нас сытно покормили в шикарной юрте. Если нас будут также обильно кормить в базовом лагере, то вряд ли мы сможем, хоть куда-то выдвинуться.

Обед в Талдыке.

Алайская долина. Она чем-то похожа на Тибетское нагорье (все время всплывают какие-то ассоциации). Киргизские глиняные дома тоже чем-то напоминают Тибетские. Не хватает только монахов в красных одеждах. Долина нам понравилась с первого раза. Хотя небо было закрыто тучами и высоких снежных пиков мы не видели, но они угадывались и проглядывали среди облаков. Бушевала гроза.

В дожде мы подъезжаем к Базовому лагерю Asia Travel на низком берегу реки. Палатки, юрты, кружится голова при быстром движении. Где же Луковая поляна, где волшебные виды, которые открываются с нее. Я видела множество фотографий, которые демонстрировали это.

Очень устали. Ужинаем сытно. Постепенно знакомимся с сотрудниками Asia Travel. Ханиф – начальник лагеря, Маша – помощник повара и официантка, Света – тоже самое, но она пришла из первого лагеря с высоты 4400 отдохнуть. Все очень приветливые и доброжелательные. Маша накрывает на стол медленно и вдумчиво. Света наоборот шустрая и энергичная. Еще есть Рагиба – повариха – она тоже пойдет в первый лагерь.

Чувствуем себя нормально, несмотря на жуткую усталость. Двигаться стали медленней, дышать чаще и все нормализовалось. Может, помогли таблетки, которые мы пили в таком огромном количестве? Поздно вечером приехали 2 иранца на КАМАЗе.

Спали, как убитые.

На утро проснулись и удивились нашему хорошему самочувствию. В прошлом году, когда нас завезли в Тибете на 3800 за один день, то мы чуть коньки ночью не отдали. Ребята вспоминали свою прошлогоднюю поездку на Эверест, там им тоже пришлось не сладко. Здесь на такой же высоте мы не ощущали никаких признаков горной болезни.

Погода все такая же плохая. Меня удивляет, что на улице холодно. Я думала, что в Средней Азии везде жарко, даже на высоте. Выясняется, что на Луковой поляне с этого года уже не стоят, она объявлена охраняемой зоной, а все лагеря находятся ниже - на 3600, вместо 3800. После обеда идем гулять вверх на Луковую. И тут мы ощутили дыхание высоты. Ноги какие-то ватные и как-то не очень быстро идут, хотя казалось бы практически по ровному. Отдышка. В общем, небольшая прогулка обернулась серьезным походом. Но Луковая – хороша. И лук, конечно, необыкновенный, я такого не видела больше нигде. А еще эдельвейсы всюду. Эту поляну можно было бы назвать – Эдельвейсово - Луковая.

Кормят в столовой на убой. Аппетит хороший. Мы в сомнениях, сможем ли мы завтра куда-то выйти или уже приняли форму юрты.

Луковая поляна.

В эту ночь мы уже не спали. Хотя ничего не мешало, кроме шума дождя, спать совершенно не получалось. Как выяснилось с утра, у всех наших были проблемы со сном.

День второй.

Уже после написания отчета я полезла в интернет и нашла другие отчеты ребят, которые были в это же время на пике Ленина. Выдержки из их отчетов я вставила курсивом в соответствующие по высоте места моего описания.

Выходим в 9 утра в первый лагерь. Сначала нас подвозят на Урале до начала маршрута на Луковой. Потом мы начинаем идти вверх на перевал Путешественников. Решили идти с рюкзаками, для большей акклиматизации. Иранцы идут без рюкзаков, передав их лошади, и быстро удаляются, а испанцы вообще остались еще на день в базовом лагере.

После перевала открывается вид на ледник Ленина. Грандиозно, хотя вершины все также закрыты и саму гору мы еще не видели. Идем тяжело. Причем, я иду медленнее всех. И самое удивительное, что быстрее я просто не могу. Мне кажется, что я иду на пределе всех своих возможностей. Тут мы пересеклись с украинцами из самолета, которые нас обгоняют – они идут быстрее, хотя и с рюкзаками, еще и покуривая на ходу. Я уговариваю себя тем, что я сейчас иду медленнее, поэтому меньше устаю и меньше выматываюсь. Навстречу сбегает многочисленный люд, которые шутят и здороваются.

А ты идешь, пыхтишь и тоскливо думаешь о том, что раз тут на высоте 4000 метров ты идешь еле – еле, то как вообще можно думать о том, чтобы добраться до высоты 7000?

Идем целый день. В программе написано, что время в пути составляет 4-7 часов, мы не уложились и шли 8. По пути перекусили сухофруктами, купленными в Оше. Это был последний раз, когда я смогла что-то съесть днем на маршруте. Сухофрукты мы доедали уже после, когда все закончилось. На последнем привале оказалось, что у всех болит голова, а Лена заснула сидя на рюкзаке.

Впереди на горизонте появился синий туалет. Осталось чуть-чуть. Шаги даются с трудом. Все - пришли. После отдыха постепенно приходим в себя. Лагерь 1 - 4400 метров состоит из многочисленных цветных палаток и стоит на морене, вокруг льды, уходящие в затянутые небеса. Идет снег. В первом лагере кормят все также много и сытно, благодаря Свете и Рагибе. Аппетит пока не ухудшился.

Дошли до лагеря 1 на 4400 м.

Здесь народу гораздо больше, чем в базовом лагере. Этакая тусовка в юртах. Многие не спускаются во время акклиматизации в Базовый лагерь, а сидят на 4400 или просто ждут погоды. Погоды, кстати, нет вообще, и ее еще не было с начала сезона. Многие уже спускаются окончательно, не поднявшись. Многие сидят на 6100 и не могут спуститься из-за плохой погоды.

Я переживаю, что мы с собой взяли только запас продуктов на этот первый выход, чтобы много не тащить. Мне кажется, что второй раз я уже этот подъем не преодолею.

В лагере 2 – главный Федор (альпинист из Ташкента), врач – Иван, много помогающей молодежи, и уже известные Света и Рагиба.

Вечером долго сидим в юрте – столовой. А потом идем спать. И опять не спим. Ночью постоянно что-то рушится, гремят обвалы, лавины, трещит лед под палаткой. После этого стали пользоваться феназепамом, который был прописан мне Доктором Еникеевым еще в прошлом году перед Непалом. Полтаблетки перед сном и спишь спокойно всю ночь, невзирая на треск льда.

Из Интернета: «Преодолев за 6,5 часов (в среднем) 12 километров, вконец измотанные прибываем в Лагерь 1 (4460 м). Полнеба занимает пик Ленина и соседние стены и ледопады. Единогласно решено положенный между двумя выходами наверх отдых проводить не в БЛ, а в 1Л. Теперь ужин, главный хит которого - малиновое варенье. Жалко съели все, что было на кухне. Юрику не легчало, от еды отказывается. Расширяем спектр таблеток (+фестал, +бисептол). Ужин лишает всех сил, никаких бибисов и преферансов. Валимся спать. На улице еще светло!»

День третий.

На утро стало понятно, что идти дальше нам пока рановато. Решаем прогуляться вверх до Большой трещины.

Наверх в облака уходит четко вырисовывавшаяся крутая тропа, по которой как муравьи снуют люди туда – сюда. Кто вверх, кто вниз. В одном месте тропу пересекают трещины, одна из них кажется непроходимой – это как раз и есть Большая трещина.

Тут бы надо рассказать о печальной стороне всего этого дела. В 1990 году в лагере на высоте 5300 под ледовым обвалом погибло более 40 человек альпинистов в основном из Петербурга. Через 17 лет погибшие люди стали вытаскивать из ледника чуть выше лагеря 1 в районе ледникового озера. Все это не придавало веселости этому месту. Видимо, об этом много там сейчас говорят, и многие ходят к озеру смотреть. У СА среди погибших было много знакомых. На камне в лагере кто-то выложил старые рубли с Лениным, найденные в куртке погибшего. Достоинство рублей разное – были даже сторублики. Все это очень грустно. Мне было неуютно от этого в этом лагере. Казалось, что что-то витает грустное вокруг.

По пути вверх проходим ледниковое темное озеро. Идем тяжело, но это уже кажется нормальным. Дошли до Большой трещины, по пути пересекая множество маленьких, через которые надо прыгать. Опять пересекаемся с украинцами, они как и мы гуляют.

Мужчины наши смотрят на Большую трещину и говорят, что там провешены перила, по которым можно перейти. Гораздо большую опасность представляют 2 трещины – одна выше, другая ниже Большой. Их надо перепрыгивать. Поразило большое количество

народу, которые бегают туда сюда без кошек и ледорубов и не связанные веревками, мотивируя это тем, что тут не опасно. Но одна связанная тройка – 2 парня и девушка, предупредили нас и сообщили, что вчера сея девушка побывала в трещине и ее пришлось вытаскивать.

Преодоление трещины

Возвращаемся в Лагерь 1. Чувствуем себя нормально.

Из Интернета: «Юра идет на поправку, но теперь боли в животе скручивают Дена.»

День четвертый.

Выходим на 5300 в 6 утра. Аппетит начинает ухудшаться. Народу с нами идет огромный паровоз. Многие идут второй раз, некоторые, видимо, уже и третий.

До Большой трещины дошли нормально, а выше скорость продвижения заметно упала. Стало казаться, что этот подъем мне не преодолеть никогда. Какое-то невероятное напряжение, нечеловеческие усилия. Подъем на 4400 теперь кажется легкой пробежкой.

Нас догоняют украинцы, которые идут быстрее нас и в какой-то момент обгоняют. Но один из их четверки отстает и ему плохо. Больше мы с ними не пересекались, хотя на этом подъеме как-то сблизились и породнились. Но так и не знаем, взошли они или нет.

Из многочисленных трещин на данный момент опасность представляют 3 – одна Большая, одна выше Большой, вторая ниже. Большая проходится по снежному мосту со

страховкой с помощью жумара. 2 маленькие в основном перепрыгиваются со страховкой с помощью напарника.

Движемся к Лагерю 2 на 5300.

Мне кажется, что мы поднимаемся так медленно, что нам не светит не только 7000, но и до 5300 мы никогда не дойдем. И вдруг после очередного взлета вдали сквозь туман видим на склоне темное пятно с палатками. Пылающую жаром в солнечный день так называемую «сковородку» проходим под рождественским снежком. Как оказалось позже – повезло.

Сереза доходит первым и откапывает уже поставленные для нас палатки. Лагерь 2 на 5300 – это крошечный пятачок, единственный более менее пригодный для постановки лагеря. Палатки натканы друг на друга. При самом подходе считаю шаги и стараюсь не смотреть вверх. Если периодически поднимать голову, то кажется, что совсем не двигаешься, и это начинает угнетать.

На последнем издыхании доползаю до палатки и рушусь. Меня поражает энергичность людей вокруг. Они роют снег, устанавливают палатки, разговаривают. У меня хватает сил только забиться в спальный мешок. Серезе с трудом удастся заставить меня съесть что-нибудь. Кстати, очень пригодился Танин совет про красную икру и картофельное пюре. Сереза вообще, мечтал только об этом. Я могла съесть хоть немного. Из всего остального не лезло ничего.

Лена кашляет. Она кашляла еще дома и прошла полное обследование, которое показало, что она здорова. Но сейчас кашель усилился. Но мы не придаем этому особого значения, потому что не хватает сил думать и анализировать что-то. Только констатация факта – Лена кашляет и все, дальше забыть. При этом Лена говорит, что у нее все нормально.

Из Интернета: «Вова считает, что столь поздний выход ни к чему хорошему не приведет и откладывает свой старт на завтра. Юрик, соразмерив свои силы и желудочные недомогания, от выхода тоже воздерживается. Это сильно нам портит все карты, так как вчера долго планировали, кто чего несет, а сейчас все перепутано. Выходим вчетвером. Новосибирские девчонки уже далеко впереди. Пятым с нами идет некто Андрей (одиночка). Он боится ходить по леднику один без связки. Вчерашняя наша акклиматизация оказалась равна всего четверти перехода 1Л-2Л. Я считал раньше пик Ленина простой плоской горой. Как я ошибался! Бесконечный местами очень крутой подъем. Выматывает словно Эльбрусская "Косая", только раза в полтора косее, с дополнительный длиннющим подходом к ней, а после - знаменитая "Сковородка". И все это - с рюкзаком. Покоряя вчерашний бергшунд, я сорвался и пролетел по снегу (повезло что по снегу!) вниз 15 метров, пока не затормозил ледорубом (повезло что полез с ледорубом, вчера вот с палками лез). Сразу после бергшунда - трещина. Как оказалось - самая стремная на пути к пику Ленина сейчас и самая опасная из виденных мною, за все путешествия. Шурик с разбегу с двумя ледорубами прыгает на ту сторону, где закрепляет веревку, с помощью которой переправляют рюкзаки. Люди - страхуясь, в обход по снежному мостику с несколькими дырками в пустоту. А вот со "Сковородкой" повезло. Налетел снежный безветренный туман. Ничего увидеть из красот верховий ледника не удалось. Не было видно вообще ничего, кроме двух метров тропы вперед. Белое безмолвие. Но зато спечься от солнечного света, в фокусе огромного снежного вогнутого зеркала не удалось. Спустия 7,5 часов были в 2Л. Копаем, топчем снег, ставим две палатки, кипятим воду и пытаемся есть. Высота 5400, аппетита нет. Сеанс связи с 1Л. Судя по всему из-за своих болезней и Вова и Юра планируют завершить восхождение на уровне 1Л.»

День пятый.

Погода супер, только ветер сильный.

Если вечером мне казалось, что путь мой лежит только в одном направлении, а именно вниз. То с утра оказалось, что можно предпринять попытку забраться выше.

До сих пор удивляюсь этому состоянию. Когда шли на 4400, то казалось, что было тяжело. Потом на 5300 было еще тяжелее и казалось, что дальше терпеть это уже просто

невозможно. Но когда мы пошли в направлении 6200 на гору Раздельную, то оказалось, что вот они настоящие трудности. Идем налегке, просто «прогуляться». СА и Лена остались в лагере.

Когда я поднималась и смотрела на Раздельную вверх, то со стороны казалось, что люди на ней совершенно не двигаются. Как не посмотрю они в одном положении. Как бы в такой ситуации поступил обычный человек. Он бы подумал, что, видимо, там тяжело, раз люди так долго идут и тяжело идут. Может быть мне, раз я так себя не очень чувствую, пойти вниз? Но тут, видимо, не работают какие-то секторы мозга из-за недостатка кислорода, поэтому смотришь на то, как люди еле идут, и повторяешь за ними тоже самое совершенно не задумываясь, а надо ли это?

На пути к Раздельной на 5800.

Сергея идет существенно быстрее, поэтому на подъеме на Раздельную решили, что он не будет меня ждать, а пойдет до вершины, а я пойду в своем темпе докуда дойду.

Вокруг носятся вороны и что самое удивительное бабочки. Бабочки, наравне с потрясающими видами вокруг, наполняют это место какой-то нереальной красотой. И несмотря на трудность путешествия можно оценить все это.

Я шла долго и трудно. Боролась с ветром и усталостью, а главное с этим каким-то бесконечным склоном. Кажется, что идешь уже целую вечность, поднимаешь голову, а ты продвинулся метра на 2 всего. Иду от флажка до флажка. Дохожу до флажка и долго отдыхаю.

Сережку, оказывается, тоже добил этот склон. Под конец он шел, не смотря вверх, и считал шаги. Пройдет 300 шагов и только тогда смотрит. Когда он думал, что до вершины осталось уже совсем ничего, то услышал голос рядом идущего человека: «Я уже думал, что дошел, а тут столько еще идти, когда же этот склон кончится?» Сережа поднимает голову и ему кажется, что он все это время стоял на месте и не приблизился к вершине ни шагу.

Из Интернета: «Последние метры: 2 шага в минуту».

В какой-то момент я решила, что Сережа уже дошел до вершины и сейчас пойдет вниз. Я была не то, чтобы у самой вершины, по высоте мне оставалось метров 50, но решила, что не буду больше перенапрягаться и подожду его здесь. В итоге после того, как посидев 5 минут и начав засыпать и отрубаться, я поняла, что надо обязательно двигаться, иначе и замерзнуть недолго. Так как вверх мне уже окончательно не хотелось, то решила потихонечку спускаться, а тут и Сережа догонит.

Навстречу ползут измученные люди с тоской смотрящие вверх. Тут у меня мелькнула мысль о том, зачем это все людям надо, но тут же исчезла. Спустилась до подножья Раздельной минут за 15, не заметила даже как. Здесь был сильный ветер. Идти совсем вниз я не могла, так как мы с Сережей договорились, что я его буду ждать здесь и если он меня не найдет, то будет волноваться. Поэтому, чтобы не замерзнуть, решила... опять идти вверх.

Со стороны люди, наверное, подумали, что меня тронула горняшка, когда я встала, развернулась и пошла вверх. И опять от флажка до флажка.

И наконец, вижу развевающуюся белую тряпку вместо лица. Это Сережа с марлевой повязкой. Рассказывает мне впечатления от увиденного горного Таджикистана, где до горизонта тянутся островерхие пики.

Удивительное состояние при спуске вниз, когда уже устал от подъема. Сил нет и ноги подкашиваются. Шаг – падение. И порой кажется, что не поднимешься больше, но тут же встаешь и начинаешь идти - падать дальше. А потом вдруг оказывается, что ты шел быстро, хотя казалось, что вниз ты идешь не намного быстрее, чем вверх.

Когда уже дошли до палаток на 5300, несколько мужиков, которые только поднялись с 4400 начали дружественно приветствовать и хохотать. Я немного не в себе, уставшая, улыбаюсь им. И вдруг они спрашивают: «Ну, и что там красиво? Стоит ли испытывать такую тяжесть из-за всего этого?» Я остановилась, подумала и честно ответила: «Стоит! Там безумно красиво. Там красивей всего на свете». Такого напора от меня никто не ожидал, все просто шутили, поэтому я пошла дальше под некоторое затишье, но, видимо, у мужиков вызвала некоторое уважение.

Когда спустились на 5300, оказалось, что Лена наша уже сильно больна. Заболела она вчера, но ничего нам не сказала. Она решила день отлежаться, чтобы полегчало. И вот она лежала, попивая таблетки в надежде, что скоро все пройдет. Но на высоте 5300 ничего по определению не проходит. Здесь надо только спускаться.

Как потом она сама призналась, что дело было видимо в неадекватной реакции. Действительно, так как кислорода не хватает, то многие функции отключаются, и она на самом деле думала, что сейчас полежит и все пройдет. А то, что мы все просмотрели, тоже говорит о том, что и сами мы были не в особой форме. О себе-то сил не хватало думать, а тут еще надо было обратить внимание на Лену.

К вечеру уже оказалось, что Лене стремительно становится хуже. По радиации стали просить помощь спасателей. Они обещали выйти в 5 утра и к 8-9 уже быть у нас. Но ночью выпало жуткое количество осадков, и все было закрыто облачностью, поэтому они не вышли, и мы решили пойти вниз сами. Почему-то мне кажется, что даже если бы не Лена, мы все равно пошли бы вниз, такое у меня было внутреннее убеждение.

День 6.

Надо сказать, что Лена удивительной выносливости человек. Несмотря на свое ужасающее состояние, она сама собирала свои вещи, которые мы распределили между собой, сама одевала кошки и более того написала нам список продуктов, которые у нее остались в палатке (мы оставляли в палатке заброску на второй выход).

Шли тяжело и долго, но Лена - молодец. Я даже не очень понимаю, как она шла, но она дошла нормально своими ногами. К Большой трещине подошел начальник лагеря – Федор и врач – Иван. Они поставили Лене парочку уколов, после которых ей стало легче, но от их помощи по поддержке, она отказалась. Героическая женщина.

На 4400 нас покормили и, посадив Лену, которой стало значительно лучше, на лошадь, мы тоже пошли вниз. По пути шел дождь и град. В Базовый лагерь уже добрались довольно поздно, уверенные, что Лену там уже осмотрели и все нормально. Причем, врач Ваня при беглом осмотре сказал, что она поживет в Базовом лагере и все пройдет. Может какие-то проблемы с сердцем.

Оказалось, что врача на месте нет, а Лена сидит в юрте-столовой и ничего не предпринимает. При этом еще хотела нас убедить в том, что ей стало окончательно хорошо и врач ей не нужен.

Врача вызвали из соседнего лагеря. Везли его долго, поэтому мы решили, что врач – пьян. Он действительно был пьян, но за дело взялся рьяно. Путаясь в названии препаратов, он назначил меня главной за лечение, выдал кучу медикаментов щедрой рукой, поставил пару уколов и поставил диагноз – отек легких с осложнением на

пневмонию. В процессе беседы с доктором выяснилось, что Лена от нас утаила, что уже на высоте у нее стала идти пена изо рта. Это она тоже объяснила неадекватностью реакции и непониманием происходящего. Врач сказал, что срочно надо везти в больницу, причем лучше прямо сейчас. Но мы уложили спать Лену в столовой, где дежурил СА, который ночью еще и уколы делал. И утром Лена в сопровождении Ханифа на Урале поехала в Ош.

День 7.

Оставшись одни, мы, конечно, заскучали. То, что с Леной все будет хорошо, мы не сомневались. Не такой она человек, чтобы сдаться на милость болезни. А нам зато было без нее очень грустно. Погода хмурая. Мы целый день в пуховках. Вчера нам приготовили баню, где мы помылись, несмотря на уличный холод. Я после бани сидела целый вечер в столовой рядом с печкой, боясь заболеть. Мы с Сережкой все вспоминали, как в прошлом году смотрели на то, как в Гималаях все моются на улице в мороз, а потом заболевают и кашляют.

Но мы не заболели, и день полный скуки прошел. Сходили погулять медленно и размеренно. Зашли на могилы группы Эльвиры и парашютистов. Вечером приехала группа из Кургана. Они были сильно круты, какие-то банкиры. Так небрежно спрашивали нас: «Ну, как там?» Мы немного задумчиво говорили, что там, знаете ли, необычно. Мы такого нигде раньше не чувствовали, а вы были на таких высотах? Они говорили, что где-то до 6 тысяч, а так вообще особо внимания не обращали на нас, сами в себе дружно колготились. Среди них были какие-то не очень опытные перцы, но были и опытные, просто они сквозь шумную толпу не проглядывали. Вообще создавали впечатление корпоративной тусовки на природе.

После спуска у меня появилось какое-то новое ощущение происходящего. Каждый цветочек, каждая бабочка, каждая травинка и каждый человек казались мне воплощением чего-то особенного, божественного может быть. Я смотрела на все совершенно новыми глазами, хотя мы с Сережкой большие любители и ценители природы, но тут открылось совершенно новые ощущения – какой-то тонкости и зыбкости мира. Воздух был совершенно новый, чувства были совершенно новыми, какими-то очистившимися.

Из Интернета: «За две недели соскучились по траве. Сколько здесь полевых цветов! Самых разных! А раньше не замечали, жаль в ботанике не силен, не пойму где что».

Весь день, что мы просидели в БЛ был ветер сильный и дождь. Даже сорвало палатку. А ночью выпал снег. Везде. Вся Луковая поляна покрылась снегом. Воздух звенел. Пик Ленина сиял во всей красе. На этот раз мы решили отдать свой груз лошадям и расстаться с некоторым количеством денег.

День 8.

Мы шли легко и свободно, не то, что в первый раз. В этот раз мы как будто прогуливались по Хибинам, только пейзажи вокруг были другие. Они были белоснежно фантастические. Ледники отовсюду обрывались, потоки бурлили, снег постепенно испарялся, и когда мы дошли до 4400 он уже и там высох.

По пути к Лагерю 1 на 4400 м.

Мы пришли к обеду. Нас встретили как давних знакомых, в очередной раз вкусно накормили, и мы совершенно не отягощенные ни грузом, ни усталостью бесцельно бродили по морене весь оставшийся день. Как хорошо, когда чувствуешь себя легко и прекрасно. Тогда и красота вокруг становится более наполненной. Ты и раньше ее замечал и отмечал, но теперь она стала более глубокой и насыщенной. Хотелось ее пить и пить. Мы даже попытались позагорать, но, побоявшись, что сгорим, ограничились 20 минутами. Нам было хорошо и спокойно, хотя с нами уже не было Лены. На вопросы про нее, спасатели ничего не отвечали и не могли нам сказать что-то вразумительное. Связи лагеря 4400 с Ошем, несмотря на спутниковый телефон не чувствовалось.

Вечером в большой юрте был просмотр записей «Наша Раша». Так как мы видели эту передачу в первый раз, то было интересно и смешно местами. Особенно, Сережке понравилось: как снится мужику сон, а в нем идет он по рельсам, а вокруг клубника красная, а наверху на дереве в гнезде его друг в красных трусах машет ему.

День 9.

На следующий день мы тронулись выше. И вышли раньше и чувствовали себя лучше и уже все знали. И главное знали, сколько надо идти и не задавали глупых вопросов: «А сколько осталось, а где же траверс? А это уже сковорода?»

Постепенно восходит солнце, становится жарко, и на этот раз, хотя идти легче, мы совершенно угнетены солнцем и его воздействием. На плоской сковороде стало абсолютно невыносимо. У меня было такое ощущение, что после очередного шага, я упаду в обморок от теплового удара. А СА потом сказал, что сегодня мы прошли испытание сковородой.

На этот раз останавливались не много, но зато много фотографировались. День был прекрасный. Виды прекрасные. Пик Ленина близко и не внушал никакой опасности. Я заметила, что на этот раз мы шли побыстрее некоторых, хотя вроде казалось, что не так уж и быстро.

Не смотря на сковороду и жару, мы пришли в лагерь 5300 в 2 раза быстрее, чем в прошлый раз. Оставшийся день мы развлекались тем, что выглядывали из палатки на 5 секунд, поражались бешенному солнцу и заползали обратно. Посмотреть без очков совершенно невозможно. Невозможно даже в палатке находиться без очков. На палатку накинуты спальники, чтобы не было такого яростного солнца и жары. В этот раз уже смотрю на все происходящее вокруг, а не просто лежу обессиленная. Смотрю и вижу, что

некоторые копошатся, что-то делают, общаются, а некоторые как мы в первый раз приходят и не могут потом глаз поднять.

Траверс на 5300 м.

Из Интернета: «Поначалу ноги какие-то ватные. Передвигаюсь с трудом. Нижние трещины, на которые раньше никто внимания не обращал, разошлись. Приходится прыгать. С каждым пройденной 100-метровкой чувствую себя все лучше и лучше, и вот уже начинаю обгонять идущих впереди. Подъем на бергшунд без эксцессов, но все же стремновато. Забергшундовая трещина по прежнему выглядит страшно. Никто уже не прыгает, все ходят по узкому мостику. Сбоку хорошо видно: толщина мостика метр и вниз что-то бездонное. Единственно, что обнадеживает - это сумасшедший траффик. Днем (с 9 до 14) каждые 2 минуты кто-нибудь проходит по нему. А иногда (как при нас) целый поезд альпинистов. Вероятность, что рухнет именно под тобой - невелика. В 2Л добрались за 5 часов, т.е. на 2.5 часа быстрее предыдущего захода. Дает таки о себе знать успешная акклиматизация».

Вокруг сплошной интернационал. Невозможно даже подсчитать, кого и сколько. 2 каллоритных испанца просидели весь день на солнце. Они такие загорелые с серьгами в ушах, чуть ли не в сомбреро сидели невозмутимо беседовали. Казалось, что они где-то на скамейке в Мадриде так посиживают, обсуждают, как там Педро на корриде.

В какой-то момент сверху спустили поляка с поломанной ногой, который трещал без умолку. И вообще, чехи, поляки такие болтуны. Постоянно говорят и говорят и очень громко. Он сломал ногу при спуске с вершины и лежал сутки наверху, обколотый всякими обезболивающими. Потом он еще как-то спускался на лошади из лагеря 1, не пойму как.

В палатке на 5300 м.

При всем нашем вроде неплохом состоянии мы периодически впадали в некоторые ямы обессиленности, а главное совершенно нет аппетита. Сережка умудрялся что-то есть, но мне эта проблема давалась с трудом. Вспоминаю рассказ Тани, что ее напарник ел на восхождении очень мало, тем и успокаиваю себя, что моих запасов хватит поработать в долг.

Из Интернета: «Ближе к вечеру наблюдаем спуск спасателями поврежденного поляка. На санях, потом на носилках, потом на лошади. Спасатели чертыхаются, он не приписан ни к чьей фирме, просто приехал на велосипеде в БЛ, познакомился с другими поляками и полез наверх. Чуть позже удивительный по красоте закат, окрасивший пик Ленина и горы в красный цвет».

День 10.

Выходим вверх. На плечо перед Раздельной доходим без особых проблем. И хотя идет тяжело и не особо весело, все-таки это происходит гораздо быстрее, чем в прошлый раз. На гребне встречаем наших 2-х иранцев, которые вчера взойшли на вершину и теперь спускались довольные. Сказали нам, что все проходимо, что ничего страшного, пожелав друг другу удачи, разошлись.

Раздельная. На этот раз мне идти как-то тяжело не сколько физически, сколько психологически, даже появилась какая-то шальная мысль, что может сесть здесь и пропади все пропадом. Я все время смотрю вверх в ожидании Сережки, который должен был по моим предположениям спуститься за моим рюкзаком и помочь мне. Вдруг спускается Сережка и говорит, что до вершины осталось всего ничего. Я начинаю ему выговаривать, что, мол, тяжело все это, и опять эти горы. Ты обещал в Грецию, а мы опять

в горах и в зиме. Он не стал мне напоминать, что это я все придумала и организовала, а помог мне донести рюкзак до вершины горы. На Раздельной – 6200 стоит лагерь, но наши палатки стоят на 6100 чуть дальше на седловине под взлетным гребнем, который ведет на вершину. Пока мы шли по гребню к лагерю, постоянно останавливались и смотрели вокруг на эти бескрайние горы. Мы были на 6200 – это была самая большая высота в нашей жизни, но мы не ощущали себя на вершине мира, вокруг насколько хватало глаз, были огромные горы.

6100 м, а вокруг сплошные горы.

После прихода мы в очередной раз откопали палатки, стали заселяться. Двигаться было тяжело. Мужчины чувствовали себя лучше, но в принципе так и должно быть. Меня сейчас удивляет, что мне совсем не было страшно, ведь можно было так умереть, но было совершенно не страшно.

Вдруг я в какой-то момент посмотрела вниз за перегиб на таджикскую сторону, куда спускался огромный ледник. По нему одиноко без тропы шли вверх 4 человека. Это было так нереально, что я даже не стала акцентировать свое внимание на этом. Все идут на Раздельную с другой стороны, с другой стороны тянулись вереницы людей, которые все были заняты одной целью – покорить вершину. А тут 4 человека идут в неполюженном месте с огромными рюкзаками без всякой тропы. Может они заблудились? – мелькнуло у меня.

Вскоре загадка 4-х человек открылась. Это были туристы из Москвы. Они ходили по горам уже 3 недели, и вот теперь на вершину собрались зайти. У них была акклиматизация лучше нашей во много раз. Они не просто ходили вверх – вниз, они жили на высоте, ходили под грузом и уже довольно давно. Они долго ставили свои палатки рядом, а потом уже в ночи собрались варить кашу на примусе. Среди них была одна женщина, которая отличалась энергией и говорливостью.

В этот день мне в очередной раз не казалось, что я смогу куда-нибудь пойти дальше, а тем более на вершину. И меня это уже особо не волновало. Я предлагала мужчинам дополнительный день акклиматизации, то есть спуститься на 5300, а потом опять подняться на 6100. Но они почему-то не хотели опять ползти на Раздельную, да и вообще, как-то уже поднадоело ходить туда-сюда, хотелось результата.

Решили идти на вершину завтра.

Часов в пять вечера с вершины спустились 2 молодых ребят. Они от фирмы «Оксай-трэвел». Вышли рано и чувствуют себя нормально. Из их разговоров я поняла, что на вершине у них осталось еще 2 человека, а они собираются поскорее вниз, чтобы зажечь сегодня в лагере 4400 – отпраздновать победу. Вскоре подошел еще один из них, который еле стоял на ногах. Он попытался уговорить первых двух, чтобы они остались до завтра или подождали Алексея, который еще наверху. Эти двое не соглашались и решили все-таки идти вниз. Так они и ушли, оставив на горе человека. Уже часов в 8, мы увидели, как кто-то спускается. Он падал на каждом шагу и еле шел. Мы все боялись, что не дойдет. Но дошел, оказалось, что это тот самый Алексей, которого оставили на горе. Он был вымучен, страдал от жажды и кашля. Но за ночь отошел. Интересно, что он оказался знакомым тех туристов, которые остановились с нами рядом.

Из Интернета: «На тропе идущей вверх куча народа. Однако Серега и Шурик чувствуют сильное высотное недомогание и единодушно собираются отправляться вниз. Неплохо бы закинуть палатку вверх, да и упадка сил не наблюдается, поэтому я и Ден выходим в 3Л. Для меня этот 5,5-часовой переход дался самым сложным из всех предыдущих. Раз пять меня обгоняли идущие сзади альпинисты всех полов и возрастов. Снежная лестница на Раздельную казалась бесконечной. И все же в такую замечательную погоду, с полным ощущением нахождения на Крыше Мира и идеальным обзором во все стороны этот переход стал самым красивым из всех предыдущих. Это я понял, когда на 5800 неведомо откуда материализовалась коричнево-красно-желтая бабочка, села мне на рукав, потом вспорхнула и улетела. Лагерь 3. Видно хорошо в сторону Таджикистана (много высоких гор), видно всю Алайскую долину. Солнечно и безветренно. И все же первое впечатление складывается чуть позже - адски холодно».

День 11.

Ночью спали хорошо. Собирались выйти в 5 утра, но был сильный ветер и не пошли. Зато вышли в 7. Ветер успокоился, погода хорошая, но теперь гнетет мысль, что не успеем. До 16 часов не успеем, все – надо поворачивать. Сережка меня гонит. Давай быстрее- быстрее. Я его понимаю, ему хочется на вершину, а я хожу медленнее. На взлетный гребень мы поднялись за 2 часа, после чего Сережа как-то успокоился. Сказал, что темп нормальный, что Федор говорил, что гребень проходится за 2 часа, а значит, у нас есть шанс. После крутого гребня ожидалось как-то рвануть вперед по пологому подъему, но не тут – то было. Шлось довольно медленно. Перед ножом, туристы, которые тоже пошли на штурм, стали отрываться вперед и с сомнением на нас поглядывали. Один из них на вершине уже был, и на наш вопрос, «сколько еще» сказал, «ну часа 4, а вы что рассчитываете дойти?». Мы добавили к этому еще 2 часа и решили в очередной раз, что шансы у нас есть.

Нож. Это крутое фирновое образование на высоте 6900. До этого момента я боялась даже думать о ноже. При подъеме по нему я решила выбрать тактику – не смотреть вниз. Вниз был обрыв до самого 4400. Сережка меня успокоил, что если я сорвусь, то внизу вон там видишь, есть полка, на что я ответила, что в полете боюсь эту полку даже не замечу. В итоге я смотрела только вверх, зарубалась ледорубом, и мы преодолели нож относительно спокойно. И я запретила себе думать о том, что придется ведь идти обратно, и вниз страшнее, и не удастся смотреть только вверх. J .

Именно на этом ноже через 2 дня сорвался и погиб питерский альпинист. По какой-то причине он не смог зарубиться и остановиться на той самой полке. Возможно, у него не было ледоруба. Многие почему-то ходят там с палками, чтобы не тащить с собой ледоруб. В случае падения палками там не зарубишься.

По рации СА сообщил, что выше 6500 подняться не может и поворачивает вниз. Мы машем ему с ножа.

Дальше мы просто медленно шли. Дошли до предвершинного снежного поля. Глядя с него, казалось, что вершина уже близко. Тут на снежном поле начались небольшие потери сознания. Навстречу нам уже спускали 2-е людей. Они как раз вышли в 5 и уже спускались с вершины. И вот тут Сережка как раз и сказал мне, что остался час, и мы как раз успеваем.

Последний взлет и после этого начались предвершинные буераки, то вниз, то вверх. Кажется, что все уже - пришли, а там еще и еще. Оценить время и расстояние становится уже невозможно.

Начало ножа. Внизу на леднике видно темное ледниковое озеро возле лагеря 1 на 4400м.

В какой-то момент я вижу двоих людей радостно подпрыгивающих. Сережка рядом снимает их. Я понимаю, что все - ДОШЛИ. Подхожу и я. Оказывается – это двое иранцев, которые тычут мне камерой в лицо, что-то спрашивают, возносят Аллаха и вообще всячески рады. Чего не скажешь о нас. Мы фотографируемся, но без азарта, как иранцы. Удивляюсь, что слишком мелкий тур. Оглядываюсь по сторонам – горизонты затянуты облаками – жалко, что не видно dalej, вокруг каменистое плато, покрытое снегом. Внизу уже прочла, что вершина – это самый большой тур. Хорошо сказано, где искать там было этот самый большой тур. Так называемая тропа доходила до этого маленького тура и обрывалась. Видимо, дальнейшие поиски самого большого тура предпринимают не все. Парни, которые спустились в предыдущий день, говорили, что тур какой-то слишком маленький, но мне тогда совершенно было не до этого, чтобы уточнить. По виду, мы вышли на вершинное плато, на котором примерно одна высота. Где именно точка вершины уже было не важно. Было понятно, что вершина здесь, а выше только немногие.

В последствии, глядя в интернете фотографии людей на вершине поняла, что дошли мы именно туда, куда надо. Также прочтала, что кто-то пошел искать дальше тур побольше, но ничего не нашел.

Радости, что дошла, если быть честным не испытывала. Сижу около тура и почти впадаю в забытие. Каждое движение дается с трудом. Сережка меня заставляет фотографироваться, вставать то тут, то там. Фотографируюсь с флагом общества апатитских идиотов. Когда Сергей Почивалов вручал нам в Апатитах данный флаг, он нам сказал, что если мы залезем на пик Ленина с этим флагом, то мы автоматически станем членом общества апатитских идиотов. Я говорю Сережке: «Ну все – теперь мы тоже апатитские идиоты – ты рад?».

Мы на вершине.

Иранцы вдруг падают, как убитые и не могут пошевелиться даже. Мне хочется чем-то им помочь, хотя бы спросить: «Can I help you?» Но сил говорить нет. Глазами встречаемся с Сережей и идем вниз. Так, наверное, с вершины не спускался никто. Мы, взявшись под руки для устойчивости, пошли вниз, а навстречу нам поднимаются еще люди, некоторые из них, наверное, не успели дойти, хотя поток восходителей спускался мимо нашей палатки долго в темноте.

На вершине мы были 15 минут и вышли вниз как раз в те самые 16:00, которые считаются критическими для спуска.

Я боюсь, что мы не успеем спуститься, еще боюсь остаться на горе последними, поэтому мы спускаемся и не даем себе отдыха. Хотя отдых мало чем помогает, кажется, сейчас посидишь и пойдешь дальше, но сколько бы не сидел, сил не прибавляется, а наоборот появляется некая безразличность и апатия. Поэтому надо двигаться. Несмотря

на усталость, смотрим на окружающие пейзажи – бескрайние горы и небо. Даже фотографируем. Ведь вряд ли мы здесь еще окажемся. В тот момент у нас не было каких-то возвышенных мыслей, но потом уже когда спускались и дальше внизу совсем забылась усталость, а вспоминались только бескрайние горы и заходящее солнце.

Доходим до ножа и, Слава Богу, все затянуто облаком. То есть мы спускались по крутому достаточно склону, но не было видно, куда лететь вниз, если что. Спустились, и тут Сереже стало существенно хуже, чем мне. Обычно, я занимаю место «кому хуже всех», поэтому я всегда спокойна, ведь случись, что со мной, он мне поможет, а если случится что-то с ним, что буду делать я? Тут-то я в первый раз и испугалась, что могу остаться здесь не в силах что-то сделать. Но посидели, чуть пришли в себя. У нас кончилась вода, потому что мы не взяли второй термос. Весь организм пересушен, вдобавок мы ничего не едим уже который день. При этом при всем, когда кажется, что мы тут самые последние доходяги, люди сверху не то, что не обгоняют нас, но даже и не догоняют. Иранцы спустились позже нас на 2 часа, хотя вышли с вершины мы одновременно. Народ шел мимо палатки уже с фонариками долго - долго, медленно-медленно.

С вершинного плато в сторону Таджикистана.

То, что люди не догоняют нас, успокаивает и говорит о том, что у нас все нормально и можно идти помедленней. Меня всю дорогу вверх преследовала мысль, что я тут на горе хуже всех. Но то, что мы дошли до вершины, говорит, конечно, обратное. Просто так

плохо я себя никогда не чувствовала, но ведь плохо там всем. И еще многое зависит от акклиматизации, чем чаще ты ходишь вверх – вниз, тем лучше ты себя чувствуешь наверху. Нашей акклиматизации явно не хватало.

А еще нам сильно повезло с погодой. Она, несмотря на периодические облака, которые закрывали видимость, не испортилась, ветер, наверное, даже уменьшился. На погоду мы внимания особенно не обращали, а значит, она была нормальной. Иногда я вскидывала голову к небу и смотрела на облака, но они не внушали опасений. На вершинных буераках затянуло и стало задувать. Я боялась, что задует еле видную тропу, и будут проблемы со спуском. Но все обошлось.

Спуск с вершинного плато.

На 6400 мы рухнули, как казалось уже совсем без сил. В бутылке еще есть холодная вода, которую по каплям высасываем. Кажется, что сил совсем не осталось. Выходим на связь с СА, просим оставаться на связи, так как есть вероятность, что не сможем дойти. СА очень волновался за нас и пошел вверх нас встречать.

Мы все же смогли спуститься к СА и долгожданному чаю, который он с собой принес.

Я иду до палатки на подкашивающихся ногах, но понимаю, что надо идти с достоинством. Хочется рухнуть и посидеть, но люди вокруг смотрят с почтением, поэтому все-таки дохожу и уже в палатке ложусь. Сережа даже начал готовить что-то. С трудом засовываю внутрь это что-то и отрубаясь. Перед сном мысли: «Неужели я сделала это?».

А еще появляется разочарование некоторое – на вершине мы вели себя так вяло, не смогли нормально сфотографироваться, не смогли прочувствовать момент. Вот иранцам теперь будет что вспомнить, видео покажут всем, даже меня покажут в Иране (они меня снимали и вопросы задавали). А у нас несколько невнятных фотографий... В общем, жалко.

Из Интернета 1 «Расположились в палатке на 6100. Теплее тут не стало. Вдруг мощно повалил снег и задул ветер. Тут же связался Серега и сказал, что на плато 6600, будет через час. Пришел через 2,5 часа, жутко уставший, весь усыпанный снегом и сразу упал в горизонт. Погода на улице мощно разыгралась, пропала видимость, засыпало тропу. Перед тем как отрубиться, Серега напроорочествовал "холодную ночевку на 6400" куче итальянцев, и еще кому-то, шедших где-то далеко за ним и без gps. Итак, во всей нашей аванюре есть человек успешно ее разрешивший. Правда со своим опытом и подготовкой он ее и без нас бы разрешил :)»

Из Интернета 2: «Мероприятия этого напряженного дня: в 10 выпихнули вниз Серегу, в 12 почистили ложками снег из пластиковых ботинок, в 16 позавтрако-обедоужинали. Все остальное время сон. Настоящая мечта стандартного российского труженика об отпуске. Валяться на берегу моря (облаков!), спать медленно поджариваясь на солнышке (а солнышко тут ой-ей-ей какое, даже сквозь гущу облаков). К вечеру народа в ЗЛ значительно прибавилось. Или просто ожили от лежания в палатках? Слышно много голосов. Сам же я никак уснуть не могу. Ну не идет в положенное время тут сон!»

Из Интернета 3: «Насморк не прекращается, иногда с кровью. Уже в третий раз обдираю себе обветренные губы. Выпили по кружке чая с колбасным бутербродом и съели по замерзшему яблоку. Выживать на 6100 сложновато, страшная сонливость и апатия. В целях борьбы с апатией ловим "ясное окно" и вылезаем на улицу. Это около 16. Гору видно, через нее с огромной скоростью переваливают облака с юга. Через нас тоже. Одного взгляда в сторону Таджикистана достаточно, чтобы убедиться что облаков там еще на неделю».

Из Интернета 4: «Собравшись спустя 2 часа на 6400, идем дальше. Ветра нет, плато здесь широкое разноуровневое. Только скорость упала до минимума, тропа ровная, условия идеальные, а ползем как черепахи, никак отдышаться не можем. Тут нас обгоняет поляк, вселяя некоторый оптимизм, что мол не так уж и поздно вышли».

Из Интернета 5: «Нож - ключевое место маршрута. Описывается страшно, но на деле все оказывается проще. Льда летом нет. Единственно, что пугает, улететь здесь можно очень далеко вниз, фирн не снег, и угол крутоват (это я, уже улетающий с

бергирунда для себя сразу отметил). Потом мы узнали, что 1.августа отсюда кажется и улетел питерский альпинист. Сначала идет подход - "ножны", долгий 30-градусный подъем, чистый фирн, идется на зубьях, отдыхать ногам особенно не получается. Я такие длинные отрезки чисто на зубьях никогда не ходил, и меня напрягало несколько (скорее психологически). Потом короткая перемычка - поперечная склону тропа шириной равная ширине ботинка (т.е. идешь переставляя ноги). Ровно посередине - куча фекалий. Кто и как умудрился это здесь сделать - загадка. Тут нужно поистине альпинистское мастерство. Дальше вверх - "нож". Только он хорошо засыпан снегом, и хоть идти приходится под 45 градусным углом, фактически ступаешь в выбитые предшественниками следы, как на подъеме к бергирунду или к Раздельной. Лихорадочно воткнуть в фирн клювом ледоруба пришлось лишь однажды, в самом конце, когда склон уже вылаживался и кончился снег».

Из Интернета 6: «Последних 200 шагов шел 20 минут. Тропа кончилась у обелиска, это основной признак вершины. Ложусь на камни, под головой какая-табличка. Мыслей никаких, ноги в горизонтальном положении, сразу засыпаю. Скоро меня будит Ден, фотографируем чего-то и вниз. Вся таджикская сторона заставлена бесконечным количеством заснеженных пиков, среди которых силуэтами знакомы Коммунизма и Корженева. Такое ощущение, что долин широких там нет вообще, одни горы. Постепенно появляются мысли: Столько прошли и не зря. Начинаю теперь оценивать остатки сил. Ноги идти не хотят. Предлагаю "холодную" ночевку где-нибудь на плато. Ден разумно отказывается и настаивает на спуске до конца. Вниз ноги как-то разошлись. Только перед сложными местами, типа спуск со "снежного плато" и "ножом" долго восстанавливаю дыхание, пытаюсь сконцентрироваться».

Из Интернета 8: «Вскоре показался пупырь, на котором издалика был виден обелиск, вблизи оказавшийся обыкновенной палкой. Шел до него минут 15. Вроде бы похоже на вершину, но как-то она слабо оформлена - палка, пара флажков, еще какой-то мусор. Кроме того, справа метрах в двухсот виднеется снежный холм, который вроде как чуть повыше будет. Пока Димыч не подошел, решаю прогуляться до него. Прошел с полпути, вижу - тропы на него нет, и опознавательные знаки на холме тоже отсутствуют. Значит, вершина все-таки позади. Возвращаюсь к Димычу, несколько формальных фоток - и вниз».

Из Интернета 8: «"Нож" собирался спускаться с палками, но Ден отобрал палки и выдал ледоруб, сам пошел первым, на снегу сразу же упал, но не пролетев и полуметра зарубился. То ли этот факт, толи общее напряжение меня сильно подкосило. Сердце буквально сорвалось и стало стучать в каком-то бешеном ритме. Дыхание

подстроилось под этот ритм. В итоге весь "нож" совершенно не сложный я спускался в ритме: шаг - отдых, отдышка. Получилось дольше чем вверх. Вообще пройдя "нож" в обе стороны я понял, что самое технически сложное место восхождения - бергирунд в начале пути от 1Л. Внизу под "ножом" на ровном месте сел отдохнуть, успокоиться, выпить воды. Вода оказалась - разбавленный концентрат яблока. История с поеданием лимона повторилась полностью. Идем совсем медленно, я постоянно отдыхаю».

День 12.

Ночью просыпаюсь от жуткой головной боли, начала с анальгина, который не помог. Выпила беналгина, который помог частично. С утра боль не уменьшилась. Но радует то, что координацию и сознание не теряю. Просто сильная головная боль. Но долго терпеть тоже не хочется, да и опасно.

Женщина из туристов дала мне от головной боли спазмалгин в ампулах и посоветовала выпить диакарба. Я выпила. Боль притупилась.

СА рано утром вышел опять на вершину. Погода как вчера – хорошая и ветер не сильный. Народу, как и вчера, пошло вверх много. И постепенно стали спускаться некоторые из них – те, которые в какой-то момент поняли, что им дальше не дойти. Они грустно бредут мимо нашей палатки. Вернулся и СА. Он опять не смог подняться выше 6500. Час отдыха, и мы решаем идти вниз.

С утра кроме головной боли были интересные сцены. Высовываю голову из палатки и вижу голого мужика в трусах. Конечно, сил у меня недостаточно, чтобы веселиться, но перед глазами до сих пор стоит – ветер, холод, сияющий белый снег, горы и мужик голый в красных трусах, не хватает только клубникиJ .

Оказалось, что этого же мужика мы видели на Алтае на Томских ночевках под Белухой. Он тогда тоже раздевался, где надо и где не надо. Он нас, конечно, не вспомнил, так как мы там не сильно выделялись и не раздевались. А вот мы его хорошо тогда запомнили. Он, конечно, мужик здоровый. Начал нам рассказывать, что он путешествует по диким просторам Памира со своим другом. 2 недели уже находили, теперь еще 1, 5 месяца будут гулять. Они вчера поднялись (хотели подняться за один раз), но ночь провели плохо, поэтому на вершину не пойдут, а пойдут бороздить дальше дикие бескрайние просторы. Здоровья у них, конечно, полно, но здесь одного здоровья маловато.

Из Интернета: «Всю ночь мучил высотный кашель. Сердце не останавливается и продолжает работать во вчерашнем темпе. С трудом бужу Дена и уговариваю валить вниз».

Преодолеть стометровый подъем до Раздельной (6200) с плеча 6100 оказалось довольно сложно, но все-таки все плохое в этой экспедиции несмотря, ни на что

заканчивается. Закончился и этот подъем. И вниз мы уже шли гораздо веселей. Спуск с Раздельной. Мы радостные. Я беспричинно улыбаюсь, несмотря на головную боль и общую усталость. Меня спрашивают: «С вершины?» Я отвечаю, что да. И люди смотрят с завистью и поздравляют с горой. Возможно, до этого момента мне никто не завидовал так, как в этот день. Люди идут, умирают на Раздельную, а ты тут уже такой герой спускаешься. Голова только болит.

Вид на лагерь 2 на 5300 сверху.

На 5300 решили передохнуть возле наших палаток. Там уже наш сибиряк и опять в красных трусах. Мне становится значительно лучше, но о еде я даже думать не хочу. А сибиряки сидят варят картофельное пюре, куда добавляют банку тушенки, а рядом на камнях лежат 5 огромных почищенных головок чеснока. На высоте все запахи активизируются. Воздух такой чистый, что любой запах становится непереносимым. А тут чеснок – он просто режет ноздри. Они предлагают разделить с нами трапезу, но мы только смеемся на это. Я спросила его: «Как он с такой едой и не залез на вершину?». Он пожал плечами.

Дальше спуск по леднику. Пока нас не было, трещины на леднике изменились – появилось много новых, а старые стали значительно шире. Выше Большой трещины была уже довольно широкая трещина, которая проходила по мосту. Но сейчас она была без моста и стала широкой настолько, что ее уже не перепрыгнешь и нужна серьезная страховка. Что делает наш знакомый сибиряк, который идет без кошек и с огромным

рюкзаком килограммов 30. Он подходит к трещине со словами: «Тут что, опасность? Так, пропустите меня». Какие-то французы стоят, вертят в руках веревку, пытаются как-то зацепиться за нее, удивленно его пропускают. А наш друг наматывает эту веревку на руку и просто широким шагом перешагивает, используя при этом акробатические движения, наступая на карниз, который нависает над бездной. Хорошо нам не довелось узнать, чтобы делал бы наш друг при обвале этого карниза. После преодоления этого препятствия он оглянулся на нас и сказал: «Да, страшно».

Мы с помощью страховки смогли преодолеть трещину.

Из Интернета: «На "Сковородке" жарко. Каким-то итальянцам плохо. Сидят на одном месте уже долго, кого-то накрыли солнцезащитным укрытием. Идем вниз. Ледник вокруг гремит. Самое время, вторая половина дня. Трещины: множество новых, пока не опасных, но видны их впечатляющие размеры. 5 дней назад не было ничего. Что тут будет твориться в конце августа?? Ниже бергирунда появилось или расплзлось еще куча, но там ледник бесснежный, все легко перепрыгивается. Две, которые сразу над бергирундом - стали еще стремнее. В самой опасной все прошлые мостики обрушились. Прыгать, причем далеко так приходится уже вне досягаемости стационарной веревки, т.е. без страховки».

И самая усталость накатила на меня уже на плоском участке ледника перед самым лагерем. Вроде шла я нормально всю дорогу. А на подходе как-то стало неважко. С нами спускались параллельно 2-е хорватов, которые поднялись на вершину в тот же день, что и мы, а теперь спускались на горных лыжах. Так вот девушка из этой пары тоже на леднике расклеилась. Возможно сказалоь обилие кислорода.

Но мы дошли. Все нас поздравляют, поют чаем. Скоро будет ужин. Голова постепенно совсем перестала болеть и появились откуда-то силы. После ужина я удалилась спать, и когда я стала погружаться в сладкое забытье, пришел Сережка и сказал, что меня вызывают. Оказалось, что нам испекли торт. Я не пробовала, но мужчины сказали, что было вкусно.

Из Интернета: «Мы с Деном тут герои просто, все трясут руки, поздравляют, спрашивают совета, или просто разинув рты слушают (сейчас в нашем лагере кажется человек 30, а покоривших пик всего 2-е)».

В этот же день на вершину зашли двое шерпов – молодые парни из «Азия Тревел». Так что поздравляли нас, их и хорватов. Молодые люди зашли на вершину и спустились на 4400 за один день. И хотя акклиматизация у них была очень хорошей, на утро они выглядели очень плохо и сказали, что вчера и ночью дико болели головы из-за такого резкого набора и спуска высоты. Вроде бы из наших испанцев двое взошли, а двое уже давно отказались от восхождения и сидели на 4400 мирно беседовали.

Засыпали уже без феназепама. Наконец-то, все позади, и теперь будет только легче.

Из Интернета: «Наконец-то нормально сплю. Не холодно, не метет снег внутри палатки, ровно, не тесно. Наконец-то приходят сны. Как немного надо чтобы выспаться :)»

День 13.

Спускаемся вниз. Опять отдали рюкзаки лошади, совсем не хочется напрягаться. СА пошел в ту часть ледника, которая зовется теперь кладбищем и где вытаскивают погибшие в 1990 году альпинисты. Мы пока его ждали, фотографировались на фоне пика Ленина. Получились хорошие снимки, но эта карточка потом не прочиталась в Москве. Когда подходили к перевалу Путешественников, Сережка выходит на связь, чтобы вызвать машину на Луковую и узнает про погибшего альпиниста. Как раз перед выходом из лагеря 1, спасатели нам сказали, что в прошлом году первый раз никто не погиб. Так что про этот год так уже не скажут.

Так как централизованных спасателей там совсем не осталось, то спасают людей те фирмы, через которую человек приехал, в нашем случае это была Азия Тревел. По радиации велись бурные переговоры, потому как не могли найти крайнюю фирму. Возможно, этот

человек приехал самостоятельно. Это случилось на следующий день после нашего восхождения, то есть 1 августа. Возможно, мы даже видели его.

Из Интернета: «Тяжело представить себе человека, которого ты совсем вот недавно лицезрел, а теперь вот так вот... Но это пик Ленина, простой вершиной он никогда не был».

Ниже Луковой на пойме стоял Ан-2. Народу в Базовых лагерях было немеренно. Этим вечером в нашу фирму приехала группа из Ростова в количестве 25 человек. Интересная перемена произошла в отношении крутых парней из Кургана. Они за это время дошли до 5300, дальше не смогли и спустились в базовый лагерь на отдых. Половина группы отправлялась домой, а половина решила еще раз попробовать. Смотрели они на нас с нескрываемым почтением, почти шепотом задавали вопросы.

Мы в Базовом лагере и пик Ленина.

День 14.

Так как мы закончили свою программу раньше времени, то у нас оставались еще лишние дни до отъезда из Оша. 1 день мы решили провести в Базовом лагере, а 2 дня в Оше.

В этот день мы гуляли по окрестным холмам, любовались Алайской долиной, катались на лошадях и устроили вечернюю фотосессию.

День 15.

Мы целый день тряслись по Памирскому тракту. Вечером встретились с Леной и наелись вместе арбуза и винограда. Лена рассказала нам, как она без нас тут провела время. Она лежала в больнице, а потом ездила в Узбекистан на 3 дня.

На прощание из Алайской долины фотографируем Заалайский хребет с пиком Ленина во главе.

День 16.

Гуляли по Ошу, залезли на гору, посетили музеи и рынок. Вечером – арбуз и фрукты.

День 17.

Ездили в Узбекистан в Ферганскую долину с помощью Азия Тревел. Заезжали в Шахрисан – купили ножи, в Коканде нас возили к знаменитому резчику по дереву, и провели экскурсию по городу. Но самое интересное мы увидели на шелковой фабрике в Маргелане, где прямо на глазах в ручную делают шелк из коконов и ткнут шелковые ткани и ковры.

День 18, 19, 20,

Из Оша перелетели в Бишкек, а оттуда на маршрутке на Иссык-Куль в селение Томчи. Иссык-Куль прекрасен, но отдыхать на нем мне кажется не самое лучшее занятие. Не буду описывать подробно, но уже через 2 дня мы без сожаления отправились обратно в Бишкек, откуда и вылетели рано утром в Москву. В Томчи мы нашли водителя до

аэропорта. Оказалось, что он жил несколько лет в Апатитах и вел свое дело по торговле киргизскими тканями. Потом старшие его умерли, и ему пришлось вернуться, чтобы следить за домом. Говорит, что жизнью доволен, что летом возит туристов, а осенью продает фрукты перекупщикам. А так работы, конечно, больше нет.

Ткачиха на фабрике в Маргелане.

Выводы.

Мишка Бочаров сказал бы: «Назовем это скромно – подвиг».